

# «ВЕСЁЛЫЕ РЕБЯТА»



Два варианта рукописных самиздатовских обложек, ходивших по рукам в 70-80-е годы в виде фотокопий или машинописных листов. В годы перестройки многие коммерчески активные деятели спешили издать эти нашумевшие анекдоты и делали это массово, и с неизменным успехом. К одному из таких изданий, 1996 года, Н. Доброхотова-Майкова, один из создателей «Весёлых ребят» написала такое предисловие – воспоминание:

«Веселые ребята». Название придумал Володя Пятницкий, когда были записаны несколько историй с картинками и стало ясно, что получается книжка. Название мало кому известно, только тем, кто видел фото - или ксерокопии с титульным листом. По той же причине избежала широкой огласки графически - математическая Володина композиция про любовь бегемотов, которую наблюдал Ф. М. Достоевский (царство ему небесное), с концовкой: «и ничего сложного в этой науке нет».

Пятницкий был великий мастер завершающего штриха. Я, например, произношу: — Гоголь только под конец жизни о душе задумался, я смолodu у него вовсе совести не было. Однажды невесту в карты проиграл. — Володя добавляет: — И не отдал. Чувствуете разницу? Он же закончил текст «Пушкин сидит у себя и думает: «Я гений ладно... ..когда же кончится?» — фразой: «тут все и кончилось».

От бесчисленных того времени баек про Кузьмича (Лукича) и Василий Ивановича «Веселые ребята» тем и отличаются, что были сразу задуманы, как письменные тексты с картинками. Даже некоторым образом заказаны. Это грустная история.

Было в Москве такое славное место — редакция журнала «Пионер». Редактором журнала была Наталья Владимировна Ильина, уникальная личность и уникальный редактор, 30 лет на посту, говорят, это рекорд. Уникального редактора вызвали в ЦК ВЛКСМ и сказали: — Что это вы, Наталья Владимировна, все сидите и сидите? У нас человек уже пять лет, как вашего места дожидается! (Потерпел бы еще чуток, но Н.В. позволила себе лишнее, напечатала кого не следует, кажется, Каверина, он что-то там не то подписал. Заждавшимся был несчастный Фурин, он после спился и выпрыгнул из окна своего кабинета. С 11 этажа). Наталья Владимировна, конечно, сейчас же ушла на пенсию. Все понимали, что ни Н.В., ни журнал друг без друга долго не проживут. Многим предстояло искать новую работу, мне в том числе. Я была внештатным художником, в «Пионере» у меня был более-менее постоянный заработок и много друзей.



**Доброхотова-Майкова,  
Наталья Александровна**

Крушение отмечали с размахом. Редакция, бывшие сотрудники, любимые авторы (все сплошь знаменитости) втайне составили для Н.В. памятный рукописный номер журнала. Получилась замечательная книга, очень смешная. Нам с Пятницким досталась рубрика «Любимая папка Коллекциани - Собирайлова», крошечная, в четверть полосы. Она появилась незадолго до этого, вел ее Рейн, откапывал где-то анекдоты про великих писателей, в основном, кажется, Марк Твена. Пушкин тоже присутствовал. Пятницкий рисовал к этим анекдотам графические миниатюры, чуть побольше почтовой марки. Этот раздел мы и воспроизвели. Сочинили две пародии:

Федор Михайлович Достоевский (царство ему небесное) хотел научиться показывать карточные фокусы и репетировал перед женой, пока несчастная женщина не потеряла терпение и не крикнула мужу: — Идиот! — подсказав тем самым сюжет знаменитого романа.

Гоголь ни разу не видел оперу Пушкина «Борис Годунов», а очень хотелось. Вот он переоделся Пушкиным и пошел в театр. В дверях столкнулся с Вяземским, а тот и говорит: — Что это у тебя сегодня, *Alexandre*, нос как у Гоголя, право!

Приблизительно так, насколько помню.

Эти тексты, как говорится, в основное собрание не вошли, рисунки тоже. Все это происходило летом 1971 года. Потом мы не могли остановиться. Стоило открыть рот, новая история возникала как бы сама. При этом, как нарочно, под рукой оказался блокнот подходящего размера. Кажется, его выдали на конференции кому-то из знакомых, а он мимоходом оставил у нас. Все, что сочинялось, записывали сразу набело, и так же Пятницкий рисовал картинки. Все рисунки — его. Текстов, кажется, моих больше. Есть и общие. Мои, как правило, длиннее, Володины — гениальнее.

Пятницкий жил тогда у нас в семье, а мы увлекались папье-маше, лепили и раскрашивали маски в огромном количестве. Володя слепил из пластилина портреты Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского. Таня оклеила их мелкими бумажками — у него на такую монастырскую работу не хватило бы терпения - а он потом раскрасил, не придерживаясь натурализма. Со временем мама приклеила им волосы, бороды и

бакенбарды, а пока они висели голые и лысые, Ф. М. Достоевскому, царство ему небесное, как раз исполнилось 150 лет. Так возникла соответствующая новелла.

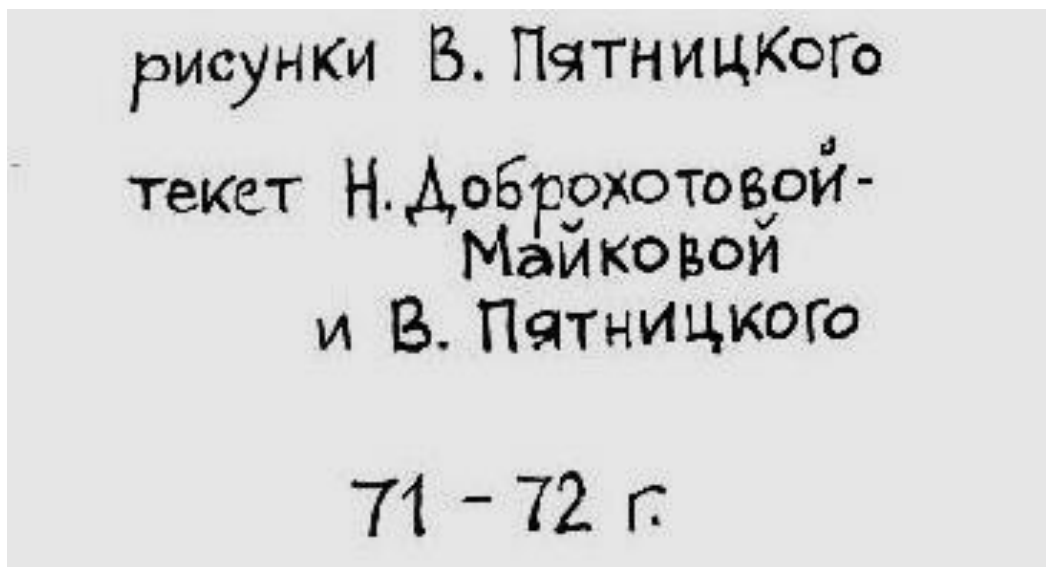
Потом в нашей жизни произошли большие перемены, с Пятницким мы больше не встречались. «Веселые ребята» ходили по рукам, вызывая бурное веселье. Тут ненадолго на нашем горизонте появился симпатичный молодой человек Саша Клятис, фотограф-профессионал, и сделал великолепные фотокопии для нас и для себя. Они все куда-то разошлись, видимо, с них перепечатывали тексты на машинке, уже без картинок.

Что касается подражания Хармсу — конечно, оно было, самое прямое. Пятницкий Хармса очень любил и артистично пересказывал. Однажды ночью, на прогулке, они с Тимашевым изобразили «о, черт! Обратно об Гоголя!» — очень красиво падали. Как у Ф. М. засорилась ноздря — чистый Хармс. Другой источник — школьно-народные анекдоты про Пушкина (как правило, глупые и неприличные. Пушкин, где ты? Во мху я!) Помните, как царь пригласил Пушкина обедать, а стул ему не поставил. Пушкин пришел, что поделаешь — стал в сторонке. Тут царя позвали к телефону. Он так с пирогом в руке и пошел. Пушкин быстренько сел на его место, ест. Царь вернулся, встал рядом, пирог доедает, а Пушкин как будто не видит, ест себе. Царь разозлился и спрашивает: — Пушкин! Чем отличается человек от свиньи? — А Пушкин отвечает:

— Тем, что человек ест сидя, а свинья стоя.

По-моему, к этому нечего прибавить.

17 мая 1996 г.



*Порядок расстановки и чередования анекдотов «под Хармса» в разных изданиях и перепечатках значительно различаются. Наиболее официальным (и официозным) изданием является книга «Лев Толстой очень любил детей...» под редакцией С. Багдасаровой. 228 страниц, издательство «Бомбора» 2020 г. Москва.*

*Кроме выверенных авторских текстов и рисунков «Весёлых ребят», там размещены обширные комментарии и внушительные отзывы современников с большими именами: Ф. Искандер, И. Бродский, А. Кнышев, Э. Лимонов Ф. В. Войнович, М. Веллер, В. Ерофеев и т.д. и иже с ними.*

*Здесь мы предлагаем подборку, наиболее часто перепечатываемую в интернете, и слегка разбавленную авторскими рисунками, найденными там же.*

\* \* \* \* \*

*Когда-то Хармс написал литературные анекдоты — забавные и немного сумасшедшие короткие истории о писателях. Удалось найти семь анекдотов из жизни Пушкина, возможно, других и нет:*

Пушкин был поэтом и всё что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никак ты писака!» С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучался и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него - рóстет, а у меня - не рóстет», — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Пушкин?» — спросил Петрушевский. «Стоп машина», — сказал Пушкин.

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колеса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл **эрпигарммами**.

Лето 1829 года Пушкин провёл в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво, барин, это ничаво».

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

У Пушкина было четыре сына и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало сплошная умора: сидят они за столом: на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто, хоть святых выноси!

\* \* \* \* \*

*Но по интернету бродят и другие литературные анекдоты, приписываемые Хармсу. Они, впрочем, похожи и по стилю, и по безбашенности. Все ли они могут быть приписаны авторству В. Пятницкого и Н. Доброхотовой-Майковой, ручаться на 100% будем вряд-ли. Но, на 90% вполне....*

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришёл в гости ко Льву Толстому. Никто не удивился, потому что в это время Достоевский, царствие ему небесное.....

Лев Толстой очень любил детей. Бывало, приведёт в кабинет штук шесть, всех оделяет. И надо же: вечно Герцену не везло — то вшивый достанется, то кусачий. А попробуй поморщиться — так и хватит костылём.

Пушкин шёл по Тверскому бульвару и встретил красивую даму. Подмигнул ей, а она как захохочет: «Не обманете, — говорит, — Николай Васильевич, лучше отдайте три рубля, что давеча в буриме проиграли». Пушкин сразу догадался, в чём дело. «Не отдам, — говорит, — дура». Показал язык и убежал. Что потом Гоголю было!

Лев Толстой жил на площади Пушкина, а Герцен — у Никитских ворот. Обоим по литературным делам часто приходилось бывать на Тверском бульваре. И уж если встретятся — беда: погонится и хоть раз, да врежет костью по башке. А бывало и так, что впятером оттащивали, а Герцена из фонтана водой в чувство приводили. Вот почему Пушкин к Вяземскому-то в гости ходил, на окошке сидел. Так этот дом потом и назвался — дом Герцена.



Лев Толстой очень любил играть на балалайке (и, конечно, детей), но не умел. Бывало, пишет роман «Война и мир», а сам думает: «Тень-дер-день-тер-тер-день-день-тень». Или: «Брам-пам-дам-дарарам-пам-пам».

Достоевский пошёл в гости к Гоголю. Позвонил. Ему открыли. «Что Вы, — говорят, — Фёдор Михайлович, Николай Васильевич уж лет пятьдесят как умер». Ну, и что же, — подумал Достоевский, царствие ему небесное, — я ведь тоже когда-нибудь умру».

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным, пришёл к Пушкину и позвонил. Пушкин открыл ему и кричит: «Смотри, Арина Родионовна, я пришёл!».

Николай I написал стихотворение на именины императрицы. Начинается так: «Я помню чудное мгновенье...» и тому подобное дальше. Тут к нему пришёл Пушкин и прочитал. А вечером в салоне у Зинаиды Волконской имел через них большой успех, выдавая, как всегда, за свои. Что значит профессиональная память у человека была! И вот утром, когда Александра Фёдоровна кофий пьёт, царь-супруг ей свою бумажку подсовывает под блюдечко. Она это прочитала и говорит: «Ах, Коко, как мило. Где ты достал? Это же свежий Пушкин!»

Однажды Пушкин написал письмо Рабиндранату Тагору. «Дорогой далёкий друг, — писал он, — я Вас не знаю, и Вы меня не знаете. Очень хотелось бы познакомиться. Всего хорошего. Саша». Когда письмо принесли, Тагор предавался самосозерцанию. Так погрузился, хоть режь его. Жена толкала-толкала, письмо подсовывала — не видит. Он, правда, по-русски читать не умел. Так и не познакомились.

Шёл Пушкин по Тверскому бульвару и увидел Чернышевского. Подкрался и идёт сзади. Мимоидущие литераторы кланяются Пушкину, а Чернышевский думает — ему; радуется. Достоевский прошёл — поклонился, Помяловский, Григорович — поклон, Гоголь прошёл — засмеялся так и ручкой сделал привет — тоже приятно, Тургенев — реверанс. Потом Пушкин ушёл к Вяземскому чай пить. А тут навстречу Толстой, молодой ещё был, без бороды, в эполетах. И не посмотрел даже. Чернышевский потом написал в дневнике: «Все писатели хороши, а Толстой — хамм. Потомушто графф.»

Лев Толстой и Фёдор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, поспорили, кто лучше роман напишет. Судить пригласили Тургенева. Толстой прибежал домой, заперся в кабинете и начал скорей писать роман — про детей, конечно (он их очень любил). А Достоевский сидит у себя и думает: «Тургенев — человек робкий. Он сейчас сидит у себя и думает: «Достоевский — человек нервный. Если я скажу, что его роман хуже, он и зарезать может». Что же мне стараться? (Это уже Достоевский думает). Напишу нарочно похуже, всё равно денежки мои будут (на сто рублей спорили)». А Тургенев в это время сидит у себя и думает: «Достоевский — человек нервный. Если я скажу, что его роман хуже, он и зарезать может. С другой стороны, Толстой — граф. Тоже лучше не связываться. А ну их совсем!» И в ту же ночь потихоньку уехал в Баден-Баден.

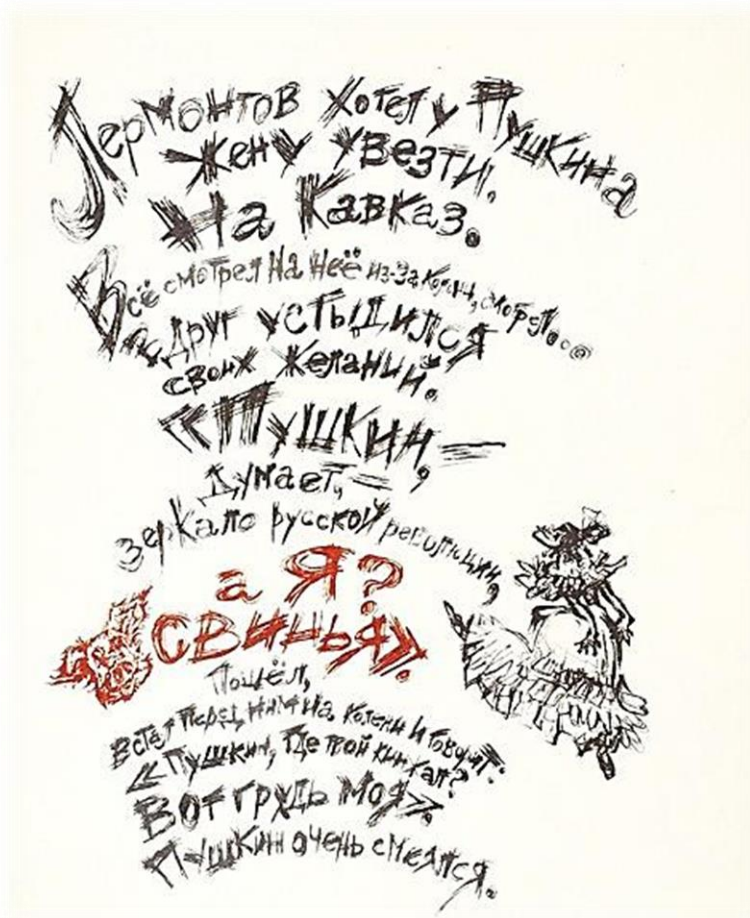


Лев Толстой очень любил детей, и всё ему было мало. Приведут полную комнату, шагу ступить негде, а он всё кричит: «Ещё! Ещё!»



Лев Толстой очень любил детей. За обедом он им всё сказки рассказывал, истории, с моралью для поучения. Бывало, все уже консоме с пашотом съели, профитроли, устриц, бланманже, пломбир, а он всё первую ложку супа перед бородой держит, рассказывает. Мораль выведет — и хлоп ложкой об стол!

Однажды Гоголь шёл по Тверскому бульвару (в своём виде) и встретил Пушкина. «Здравствуй, Пушкин, — говорит, — что ты всё стихи да стихи пишешь? Давай вместе прозу напишем». «Прозой только ..... хорошо», — возразил Пушкин.



Лермонтов хотел у Пушкина жену увести. На Кавказ. Все смотрел на неё из-за колонн, смотрел... Вдруг устыдился своих желаний. «Пушкин, — думает, — зеркало русской революции, а я? свинья». Пошёл, встал перед ним на колени и говорит: «Пушкин, где твой кинжал? Вот грудь моя». Пушкин очень смеялся.

Тургенев мало того, что от природы был робок, его ещё Пушкин с Гоголем совсем затюкали: проснётся ночью и кричит: «Мама!» Особенно под старость.



Лев Толстой очень любил детей. Утром проснется, поймает какого-нибудь, и гладит по головке, пока не позовут завтракать.

Однажды Пушкин решил испугать Тургенева и спрятался на Тверском бульваре под лавкой. А Гоголь тоже решил в этот день испугать Тургенева, переоделся Пушкиным и спрятался под другой лавкой. Тут Тургенев идёт. Как они оба выскочат!

Однажды Пушкин стрелялся с Гоголем. Пушкин говорит:

— Стреляй первый ты.

— Как ты? Нет, я!

— Ах, я! Нет, ты!

Так и не стали стреляться.

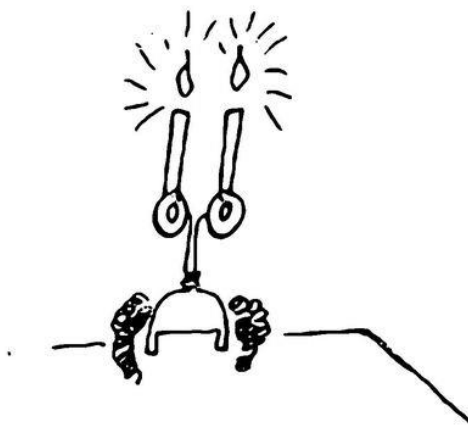
Лев Толстой очень любил детей, а взрослых терпеть не мог, особенно Герцена. Как увидит, так и бросается с костылем и всё в глаз норовит, в глаз. А тот делает вид, что ничего не замечает. Говорит: «Oh, Толстой, oh!»

Пушкин сидит у себя и думает: «Я гений — ладно. Гоголь тоже гений. Но ведь и Толстой гений, и Достоевский, царствие ему небесное, гений. Когда же это кончится?» Тут всё и кончилось.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришёл в гости к Майкову. Майков усадил его в кресло и угощает пустым чаем. «Поверите ли, — говорит, — Александр Сергеевич, куска сахара в доме нет. Давеча Гоголь приходил и всё съел». Гоголь ему ничего не сказал.

Лермонтов был влюблён в Наталью Николаевну Пушкину, но ни разу с ней не разговаривал. Однажды он вывел своих собак погулять на Тверской бульвар. Ну, они, натурально, визжат, кусают его, всего испачкали. А тут она навстречу с сестрой Александриной. «Посмотри, — говорит, — машер, охота некоторым жизнь себе осложнять.

Лучше уж детей держать побольше.» Лермонтов аж плюнул про себя. «Ну и дура, — думает, — мне такую и даром не надо!» С тех пор и не мечтал больше увезти её на Кавказ.



Однажды Гоголю подарили канделябр. Он сразу нацепил на него бакенбарды и стал дразниться. «Эх ты, — говорит, — лира недоделанная!»

Однажды Гоголю подарили канделябр. Он сразу нацепил на него бакенбарды и стал дразниться. «Эх ты, — говорит, — лира недоделанная!»

Тургенев хотел стать храбрым как Лермонтов и пошёл покупать саблю. Пушкин проходил мимо магазина и увидел его в окно. Взял и закричал нарочно: «Смотри-ка, Гоголь (а никакого Гоголя с ним вовсе и не было), смотри-ка, Тургенев саблю покупает! Давай мы с тобой ружьё купим». Тургенев испугался и в ту же ночь уехал в Баден-Баден.

У Вяземского была квартира окнами на Тверской бульвар. Пушкин очень любил ходить к нему в гости. Придёт, и сразу прыг на подоконник, свесится из окна и смотрит. Чай ему тоже туда, на окно, подавали. Иной раз там и заночует. Ему даже матрац купили специальный, только он его не признавал. «К чему, говорит, такие роскоши?». И спихнёт матрац с подоконника. А потом всю ночь вертится, спать не даёт.

Однажды Фёдор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, поймал на улице кота. Ему было надо живого кота для романа. Бедное животное пищало, визжало, хрипело и закатывало глаза, а потом притворилось мёртвым. Тут он его отпустил. Обманщик укусил бедного в свою очередь писателя за ногу и скрылся. Так остался невоплощённым лучший роман Фёдора Михайловича, царствие ему небесное, «Бедные животные». Про котов.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным, сверху нацепил маску и поехал на бал-маскарад. Там к нему подпорхнула прелестная дама, одетая баядерой, и сунула ему записочку: «Je vous aime». Гоголь читает и думает: «Если это мне как Гоголю, что, спрашивается, я должен делать? Если же это мне как Пушкину, как человек порядочный, не могу воспользоваться. А что, если это всего лишь шутка юного создания, избалованного всеобщим поклонением? А ну её!» И бросил записку в помойку.

Однажды у Достоевского засорилась ноздря. Стал продувать — лопнула перепонка в ухе. Заткнул пробкой — оказалась велика, череп треснул. Связал верёвочкой — смотрит, рот не открывается. Тут он проснулся в недоумении, царствие ему небесное.



Гоголь читал драму Пушкина «Борис Годунов» и приговаривал: «Ай да Пушкин! Действительно, сукин сын».

Лев Толстой очень любил детей и писал про них стихи. Стихи эти списывал в отдельную тетрадку. Однажды после чаю подает эту тетрадку жене: «Гляньте, Софи, правда, лучше Пушкина?» — а сам сзади костыль держит. Она прочитала и говорит: «Нет, Лёвушка, гораздо хуже. А чьё это?» Тут он её костылём по башке — трах! С тех пор во всём полагался на её литературный вкус.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришел в гости к Вяземскому. Выглянул в окно и видит: Толстой Герцена костылем лупит, а кругом детишки стоят, смеются. Он пожалел Герцена и заплакал. Тогда Вяземский понял, что перед ним не Пушкин.

Однажды Гоголь написал роман. Сатирический. Про одного хорошего человека, попавшего в лагерь на Колыму. Начальника лагеря зовут Николай Павлович (намёк на царя). И вот он с помощью уголовников травит этого хорошего человека и доводит его до смерти. Гоголь назвал роман «Герой нашего времени». Подписался: «Пушкин». И отнёс Тургеневу, чтобы напечатать в журнале. Тургенев был человек робкий. Он прочёл роман и покрылся холодным потом. Решил скорее всё отредактировать. И отредактировал. Место действия он перенес на Кавказ. Заключённого заменил офицером. Вместо уголовников у него стали красивые девушки, и не они обижают героя, а он их. Николая Павловича он переименовал в Максима Максимовича. Зачеркнул «Пушкин», написал «Лермонтов». Поскорее отправил рукопись в редакцию, отёр холодный пот и лёг спать. Вдруг посреди сладкого сна его пронзила кошмарная мысль. Название! Название-то он не изменил! Тут же, почти не одеваясь, он уехал в Баден-Баден.

Лермонтов любил собак. Ещё он любил Наталью Николаевну Пушкину. Только больше всего он любил самого Пушкина. Читал его стихи и всегда плакал. Поплачет, а потом вытащит саблю и давай рубить подушки! Тут и любимая собака не попадайся под руку — штук сорок так-то зарубил. А Пушкин ни от каких стихов не плакал. Ни за что.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным, сверху нацепил львиную шкуру и поехал в маскарад. Фёдор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, увидел его и кричит: «Спорим, это Лев Толстой! Спорим, это Лев Толстой!»

Гоголь только под конец жизни о душе задумался, а смолоду у него вовсе совести не было. Однажды невесту в карты проиграл. И не отдал.

Однажды Чернышевский видел из окна своей мансарды, как Лермонтов вскочил на коня и крикнул: «В пассаж!» «Ну и что же? — подумал Чернышевский, — вот, Бог даст, революция будет, тогда и я так-то крикну». И стал репетировать перед зеркалом, повторяя на разные манеры: «В пассаж. В пассаж! В пассажж. В пассажжж. В па-а-ссажжж. В ПАССА-А-А-АЖЖЖ!!!»

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришёл в гости к Державину Гавриле Романовичу. Старик, уверенный, что перед ним и впрямь Пушкин, сходя в гроб, благословил его.

Счастливо избежав однажды встречи со Львом Толстым, идёт Герцен по Тверскому бульвару и думает: «Всё же жизнь иногда прекрасна.» Тут ему под ноги огромный чёрный котище — и враз сбивает с ног. Только встал, отрясает с себя прах — налетает свора чёрных собак, бегущая за этим котом, и вновь повергает на землю. Вновь поднялся будущий издатель «Колокола» и видит: навстречу на вороном коне гарцует сам владелец собак, поручик Лермонтов. «Конец», — мыслит автор «Былого и дум», — «сейчас они разбегутся и...» Ничуть не бывало. Сдержанный привычной рукой, конь строевым шагом проходит мимо и, только почти уже по миновании Герцена, размахивается хвостом и — хлясь по морде. Очки, натурально, летят в кусты. «Ну, это ещё полбеда», — думает бывший автор «Сороки-воровки», отыскивает очки, водружает себе на нос и что же видит

посреди куста?.. Ехидно улыбающееся лицо Льва Толстого. Но Толстой ведь не изверг был. «Проходи, — говорит, — проходи, бедолага», — и погладил по головке.

Фёдор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, тоже очень любил собак, но был болезненно самолюбив и это скрывал (на счёт собак), чтобы никто не мог сказать, что он подражает Лермонтову. Про него и так уж много чего говорили.

Однажды Фёдору Михайловичу Достоевскому, царствие ему небесное, исполнилось 150 лет. Он очень обрадовался и устроил день рождения. Пришли к нему все писатели, только почему-то все наголо обритые, как сговорились. У одного Гоголя усы нарисованы. Ну хорошо, выпили, закусили, поздравили новорожденного, царствие ему небесное. Сели играть в вист. Сдал Лев Толстой — у каждого по пять тузов. Что за чёрт? Так не бывает. «Сдай-ка, брат Пушкин, лучше ты». «Я, — говорит, — пожалуйста, сдам». И сдал. Всем по шесть тузов и по две пиковые дамы. Ну и дела! «Сдай-ка ты, брат Гоголь». Гоголь сдал... Ну, и знаете... Даже нехорошо сказать. Так как-то получилось... Нет, право слово, лучше не надо!

Пушкин часто бывал в гостях у Вяземского, подолгу сидел на окне, всё видел и всё знал. Он знал, что Лермонтов любит его жену. Поэтому считал не вполне уместным передать ему лиру. Думал Тютчеву послать за границу — не пропустили, сказали, не подлежит, имеет художественную ценность. А Некрасов ему как человек не нравился. Вздыхнул и оставил лиру у себя.

Однажды Фёдор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, сидел у окна и курил. Докурил и выбросил окурочек в окно. Под окном у него была керосиновая лавка, и окурочек угодил как раз в бидон с керосином. Пламя, конечно, столбом. В одну ночь пол-Петербурга сгорело. Ну, посадили его, конечно. Отсидел, вышел. Идёт в первый же день по Петербургу, навстречу — Петрашевский. Ничего ему не сказал, только пожал руку и в глаза посмотрел. Со значением.

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он играл с ними весь день и проголодался. Пришёл к жене. «Сонечка, — говорит, — ангельчик, сделай мне тюрьку». Она возражает: «Лёвушка, ты же видишь, я «Войну и мир» переписываю». «А-а-а, — возопил он, — так я и знал, что тебе мой литературный фамиам дороже моего «Я». И костыль задрожал в его судорожной руке.

Однажды Лермонтов купил яблок, пришёл на Тверской бульвар и стал угощать присутствующих дам. Все брали и говорили «Merci». Когда же подошла Наталья Николаевна с сестрой Александриной, от волнения он так задрожал, что яблоко упало из его руки к её ногам (Натальи Николаевны, а не Александрины). Одна из собак схватила яблоко и бросилась бежать. Александрина, конечно, побежала за ней. Они были одни — впервые в жизни (Лермонтов, конечно, с Натальей Николаевной, а не Александрина с собачкой). Кстати, она (Александрина) её не догнала.

Однажды Лев Толстой спросил Достоевского, царствие ему небесное: «Правда, Пушкин — плохой поэт?» «Неправда», — хотел ответить Достоевский, но вспомнил, что у него не открывается рот с тех пор, как он перевязал свой треснувший череп, и промолчал. «Молчание — знак согласия», — сказал Лев Толстой и ушёл. Тут Фёдор Михайлович, царствие ему небесное, вспомнил, что всё это ему снилось во сне, но было уже поздно.

Фёдор Михайлович Достоевский страстно любил жизнь, царствие ему небесное. Она его, однако, не баловала, поэтому он часто грустил. Те же, кому жизнь улыбалась (например, Лев Толстой) не ценили это, постоянно отвлекаясь на другие предметы. Например, Лев Толстой очень любил детей. Они же его боялись. Они прятались от него под лавку и шушукались там: «Робя, вы этого бойтесь — ещё как трахнет костылем!» Дети любили Пушкина. Они говорили: «Он весёлый. Смешной такой.» И гонялись за ним стайкой. Но Пушкину было не до детей. Он любил один дом на Тверском бульваре, одно окно в этом

доме. Он мог часами сидеть на широком подоконнике, пить чай, смотреть на бульвар. Однажды, направляясь к этому дому, он поднял глаза и на своём окне увидел... себя. С бакенбардами, с перстнем на большом пальце. Он, конечно, понял, кто это. А вы?



Пушкин был не то что бы ленив, но склонен к мечтательному созерцанию. Тургенев же, хлопотун ужасный, вечно одержимый жаждой деятельности. Пушкин этим частенько злоупотреблял. Бывало, лежит он на диване, входит Тургенев. Пушкин ему: «Иван Сергеевич, не в службу, а в дружбу — за пивом не сбегаешь?» И тут же спокойно засыпает обратно. Знает: не было случая, чтобы Тургенев вернулся. То забежит куда-нибудь петицию подписать, то к нигилистам на заседание, то на гражданскую панихиду. А то испугается чего-нибудь и уедет в Баден-Баден. Без пива же остаться Пушкин не боялся. Слава богу, крепостные были. Было, кого послать.

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он шёл по Тверскому бульвару и увидел идущего впереди Пушкина. Пушкин, как известно, ростом был невелик. «Конечно, это уже не ребёнок, это скорее подросток, — подумал Лев Толстой, — всё равно, дай догоню и поглажу по головке». И побежал догонять Пушкина. Пушкин же, не зная толстовских намерений, бросился наутёк. Пробегая мимо городского, сей страж порядка был возмущён неприличной быстротой в людном месте и бегом устремился вслед с целью остановить. Западная пресса потом писала, что в России литераторы подвергаются преследованиям со стороны властей.

Снится однажды Герцену сон. Будто эмигрировал он в Лондон, и живётся ему там очень хорошо. Купил он, будто, собаку бульдожей английской породы. До того злющий пёс — сил нет: кого увидит, на того и бросается. И уж если догонит, вцепится мёртвой хваткой — всё, можешь бежать заказывать панихиду. И вдруг, будто он уже не в Лондоне, а в Москве; идёт по Тверскому бульвару, чудовище своё на поводке держит, а навстречу Лев Толстой... И надо же, тут на самом интересном месте, пришли декабристы и разбудили.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и задумался о душе. Что уж он там надумал, так никто никогда и не узнал. Только на другой день Федор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, встретил Гоголя на улице и отшатнулся. «Что с Вами, — воскликнул он, — Николай Васильевич, у Вас вся голова седая!»

Однажды Пушкин переоделся Гоголем... тьфу, твою ...мать!

Однажды во время обеда Софья Андреевна подала на стол блюдо пышных, горячих, ароматных рисовых котлеток. Лев Толстой как разозлился: «Я, — кричит, занимаюсь самоусовершенствованием. Я не кушаю больше рисовых котлеток». Пришлось эту пищу богов скормить людям.

У Лермонтова было много собак, а одна — лучше всех. Он хотел её выучить всяким штукам и подарить Пушкину. Целый день, бывало, кричит: «Тубо! Пиль! Апорт!» Собака воеет — ужас! Раз выглянул в окно, а там вся компания — и Гоголь, и Толстой, и Достоевский, и Тургенев. Стоят, слушают. Подходит городской. «Что, — спрашивает, — за шум из сей квартиры?» «А это, — они ему, — это, изволите видеть, Лермонтов собаку учит, хочет Пушкину подарить.» Лермонтов расстроился и бросил это дело.



Однажды Фёдор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, наблюдал любовь бегемотов. Видит — получают цветы, и заинтересовался, какого пола. Пускай, думает, женский пол будет...

ОДНАЖДЫ ФЁДОР МИХАЙЛО-  
ВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ, ЦАРСТВО  
ЕМУ НЕБЕСНОЕ, НАБЛЮДАЛ  
ЛЮБОВЬ БЕГЕМОТОВ.

ВИДИТ - ПОЛУЧАЮТСЯ ЦВЕТЫ,  
И ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ, КАКОГО  
ПОЛА. ПУСКАЙ, ДУМАЕТ, ЖЕНСКИЙ  
ПОЛ БУДЕТ

А МУЖСКОЙ ПОЛ БУДЕТ

Тогда если

$$\begin{matrix} A & B \\ \triangle & + \\ C & A \end{matrix} + \begin{matrix} B & C \\ \triangle & + \\ A & A \end{matrix} = \begin{matrix} A & B & C \\ \triangle & \text{---} & \triangle \\ A, C & & \end{matrix}$$
 и будет  
ЖЕНСКИЙ ПОЛ, А ЕСЛИ

$$\begin{matrix} B & C \\ \triangle & + \\ A & A \end{matrix} + \begin{matrix} C & A \\ \triangle & + \\ A & B \end{matrix} = \begin{matrix} B & C & A \\ \triangle & \text{---} & \triangle \\ A, A & & \end{matrix}$$
 ТО БУДЕТ,  
НИЧЕГО СЛОЖНОГО В ЭТОЙ НАУКЕ НЕТ.  
МУЖСКОЙ.

Ничего сложного в этой науке нет.



ПУШКИН ПОЁТ  
А У ГОГОЛЯ НЕ КИДОТ





СЕЛ ГОГОЛЬ НА КИБИТКУ  
И ПОСКАКАЛ НИВЕСТЬ КУ-  
ДА В ИЩЕЗЯЮЩУЮ ДАЛЬ.